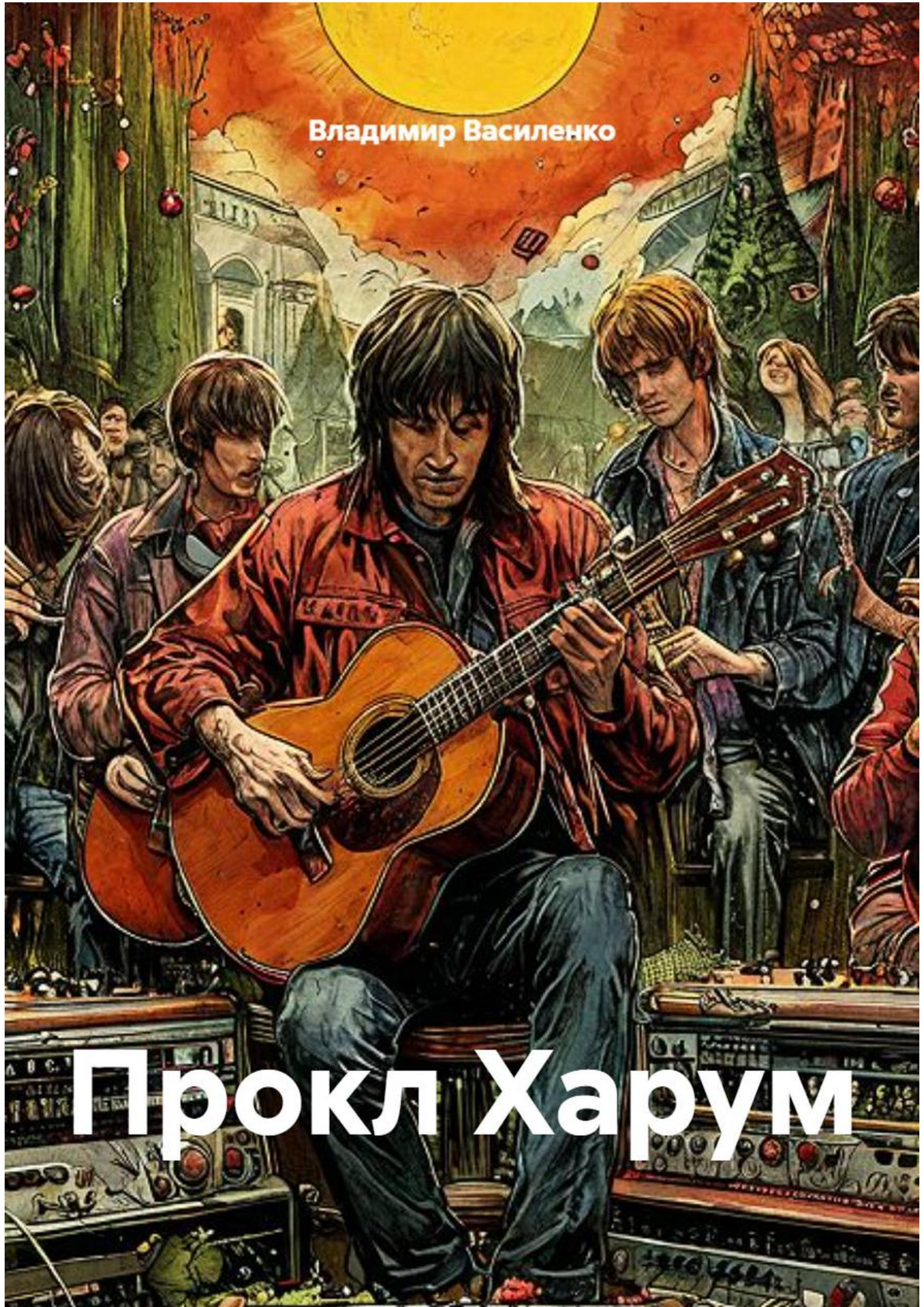

Владимир Василенко

Прокл Харум

Владимир Василенко

Прокл Харум

«Автор»

2026

Василенко В. Ю.

Прокл Харум / В. Ю. Василенко — «Автор», 2026

Главные события повести происходят в конце 1979 – начале 1980 года. Вокально-инструментальный ансамбль, организованный в выпускном школьном классе учителем пения, в тайне от всех, включая своего руководителя, собирается исполнить на восьмимартовском концерте композицию английской рок-группы.

© Василенко В. Ю., 2026

© Автор, 2026

Владимир Василенко

Прокл Харум

1

– «Музыка баха» – это такой стиль игры на органе обеими руками: бах!.. бах!.. бах!..
– Садись, Петров, – Вилейские Волны на сцене актового зала развернулся к пианино лицом...

– ...Знаешь, что он играет?.. – из-за спины наклонился ко мне Петров... – «Прокл Харум».
– Что за «Прокл Харум»? – шепнул я на ухо сидевшему рядом Михайлову.

Тот пожал плечами...

Первую неделю учебного года появившийся у нас новый «пеник» был Радецким: весь урок в актовом зале мы под его руководством прохлопали и протопали «Марш Радецкого». Прикольно. Даже с учетом того, что на следующем уроке, при сравнении «Амурских волн» с «Дунайскими», нашего топота-хлопота не потребовалось (а Радецкий стал Вилейскими Волнами, уже навсегда)...

Выходя после этого нашего так называемого «пения», мы столкнулись с Лидо, вероятно, под впечатлением Баха, со скрещенными на груди руками в холле у дверей актового зала смотревшей куда-то сквозь нас.

2

Пятый концерт – это обход Богом безлюдных владений... местности без нас... уже... или еще... а скорее, не существующих (даже в виде деревьев), а всего лишь внимающих: слух сам по себе.

Вилен Владленович – в принципе, выговариваемо, но... Так что: Вилейские Волны. Вилейские Волны...

А «A Whiter Shade of Pale» – попытка существования. «Воздух на струне соль» из Третьей сюиты краешком в эту вещь залетел, как в смотрящие на Обходящего владения, в которых и возникает голос. Именно таким он и должен быть, возникающий: скрипяще-, почти каркающе-неуверенным от неверия исполнителя в собственное существование... Именно такой и должна быть вся эта вещь: фанданго... бред... вращение зала... «Она с лицом прозрачным / ставшим белым, словно мел»... Фанданго, если заглянуть в словарь, – танец-дразнилка: женский флирт на фоне мужской романтики...

Конечно, надо бы начинать с Пятого. Начинать приучать следует, обескураживая. Устраняя кураж существования. Подавая Обход владений в чистом виде... Это всё Петров со своим: «Бах!.. бах!.. бах!..» Захотелось быть поближе к этому придурку. К существованию... с его вечным налетом придурковатости... начиная с моего имени-отчества...

«Вилен Владленович, правда вы “Прокл Харум” играли?» Что ж... если качество английской телефонной связи 60-х превратило кота Procul Harum в «Procol Harum», почему б этому самому коту у нас не стать Проклом... Скорее всего, Петров слушал запись, где ведущий объявил название группы, и качество этой записи, как я имел возможность убедиться, не лучше той телефонной связи. Пластинок с названием в наших краях – днем с огнем не сыщешь... Так же маловероятно, чтобы он, Петров, был знаком не с аудио-, а с видеозаписью выступления, о которой говорил Аркадий. По утверждению Аркадия, его привезенный из Англии видеоманитофон – единственный на весь город. Надо учитывать, однако, что, как нарочно, работа предка Петрова связана как раз с Королевством Великобритания...

Лидб... Лидб... Те же дела: в названии венецианского острова ударение на первом слоге, но откуда этим троглодитам о том знать? Ну, хотя бы связали с венецианским кинофестивалем – и на том спасибо. Связь с кинофестивалем налицо. С любым.

3

Зима – самое подходящее время для формирования рок-группы под видом «придания классике современного звучания». Это всё Вилейские Волны с его неудовлетворенностью нашим школьным пианино: на уроке у восьмиклашек (мы-то, слава богу, теперь в девятом, и «пение» наше – уже в бесконечно далеком прошлом)... посреди урока, как сам он рассказывал, начал Пятый концерт Баха и бросил... А Петров заразил его мыслью о безграничных возможностях Пана Тыквы в радиоэлектронике.

– Так что? В принципе осуществимо?.. – мы обступили нашего музыкального бога, вопросительно глядящего на трудовика, ведущего у нас электродело (мы – это Петров, Михайлов и я, при таких двух друзьях, естественно, «Харламов»).

– Хаммонд-орган... Хаммонд-орган... – уставился Пан Тыква в разрисованный узором трещин потолок мастерской... – Понты. Ионика!..

– Погоди... – растерялся Вилейские Волны... – Бах на ионике?..

– А-а!.. Нужен солидник?.. Ты ее принеси. Ионику. Джона Лорда с Рэем Манзарекон не обещаю, но покопаться можно...

– А почему Хаммонд-орган понты? – спросил я у Пана Тыквы по уходу Вилейских Волн.

– Это ты, Харламов, у Фила Эспозито спросишь: та-та-та, та-да-та-та-та... – пропел он хоккейно-канадский (перед вбрасыванием шайбы) органнй проигрыш...

(Наш школьный психологический «хоккей» сводился к тайному обмену учителей своими и нашими кликухами и открытой их перед нами демонстрацией своей осведомленности.)

– Спрошу. И всё же?

– Разница между электричеством и механикой тебе о чем-нибудь говорит?.. Что, «прибавление проходили, а сложение не проходили»?.. В органе Хаммонда колебание создается крутящимися у звукоснимателя фониическими колесами с разным количеством зубцов и частотой вращения, а синхронный электродвигатель колес управляется трансформатором с ёмкостной связью. Усёк?

– А в ионике все это делает электрический осциллятор! – просиял на фоне нашего с Михайловым невежества Петров.

– А ты не такой уже и придурок...

С появлением ионики уроки и школа были забыты: сразу после звонка с последнего урока наше «хоккейное звено нападения» наперегонки несло в подсобку Пана Тыквы, с неизменным своим «понты... понты...» ковырявшегося в принесенном Вилейскими Волнами инструменте. Кстати, о Джоне Лорде и Рэе Манзарике наш трудовик-электротехник понятие имел поверхностное: как мы узнали в ходе этих совместных посиделок, с музыкальной электроникой Тыкву доставал сынуля, наш ровесник, в своей школе уже организовавший ВИА, поигрывающий на школьных вечерах.

– Готово!.. – Пан Тыква аккуратно вытер тряпочкой руки... – Это вам не понты... Получайте ваш солидник...

От заполнившего подсобку тяжелого воя мы втроем, зажимая рты, полезли под стол!.. а от короткого, ёмкого, в один слог, резюме мастера изо всех сил сжали ребра руками: мало было, чтоб он нас в этот момент не видел, – главное, чтобы не слышал...

4

Ну, покуривал, да. И в смеси того, что я читал, что смотрел и что слушал, вызревало настоящее, не связанное с прошлым и будущим. Нет, оно, это настоящее, не было свифтовским островом в небе – вокруг была обычным образом покидаемая и выплывавшая из-за горизонта земля времени... но происходящее прямо сейчас, на моих глазах, говорило: это не на земле... Таким же необычным, как эти мои фразы, было и само происходящее. Иначе мою уверенность просто нечем было бы объяснить. Кто мог что-либо гарантировать бросающему учебу ради карьеры поэта-песенника? А ведь главная там, на земле, движущая сила – это гарантии. С гарантированной тою же землею могилой.

От последней мысли я рассмеялся. «You've turned a whiter shade of pale»... Гай думал, что сказал это на вечеринке Дайане. Нет, не Дайане – стоящему к ним плечом и ухом (никогда не знаешь, кому говоришь на самом деле)...

А сейчас этот «стоящий» – ухом к кому?..

Покуривал. Но не до «белее бледного». А сейчас, на подступах к «Whiter Shade» – вообще ни-ни! Имея дело со следствиями, причины надо отбрасывать. И первую из них – самого себя. «Битлы» и «Роллинги» – замечательно, и вся волна вслед за ними как специально под меня подгадана – этот музыкальный взрыв интеллекта, подхватившего сделанное отцами-основателями и «Роллингами» с «Битлами»! Но и девятый вал – всего лишь вал со своим неизбежным спадом, если это – не... всемирный потоп?.. Всемирный... в котором «я» словесное и «я» музыкальное видны через что-то другое, а слова и музыка – друг через друга. Каким образом? Таким, каким клавиши под пальцами Гэри видны сквозь меня, а мои появляющиеся на бумаге каракули – сквозь него: ни то, ни другое не отстает, не обгоняет. Синхронно. Главное, что в этом, одном на двоих, рождается, – музыкально-словесная фраза поверх Баха, на вершине своей соединенности продолжающая расти уже через каждого из нас в свою сторону...

Никаких «я»! Ни в музыке, ни в тексте! Это... с чего у нас с Гэри началось... может прожить долго, стать залогом чего-то большого, и именно из-за отказа от «я», от исповедываемого отцами-основателями (и всеми прочими) помещения себя в центр композиции: мир крутится вокруг меня, а когда ты крутишься под это мое – вокруг тебя! Вот этот перенос слушателя на место исполнителя, отождествление его с кумиром, растворение в произведении как в происходящем прямо сейчас с ним самим – палка о двух концах. Сегодня всем этим забит эфир! Но... тем ли он забит?.. Чем это принципиально отличается от живописи и литературы, «эфир» которых забит одним, а в лучших мировых галереях и библиотеках царит совершенно иное.

«Стала белее мела»... Где здесь «я»?.. В этой фразе бесполезно искать себя... В ней: та, что побелела... тот, на чьих глазах... и тот, чей мел, – мельник, чья мука преодолевается в пользу прозрачности... в которой ничего, кроме подступающего главного, не остается в силу того, что ничего другого двое друг с другом сделать попросту не в состоянии... вот он – бросок сквозь прозрачность на дно... «So we crash-dived straightway quickly / And attacked the ocean bed...» – появляются под моей рукой строчки финала... Но... что же к нему привело... к финалу?.. Что произошло?.. Свидетелем чего я стал, стоя ко всему этому плечом... ухом?..

5

Где обычно встречаются два учителя из облцентра среднерусской полосы, отработавшие в одной и той же школе, соответственно, пятнадцать лет и полгода? Разумеется, на лестнице перед Алупкинским дворцом. Где ж еще?..

– А признайтесь, London is not a capital of Great Britain, – глядя снизу вверх, «поздоровался» я (группа с нашего ялтинского катера догнала группу с катера мисхорского). – На таком расстоянии от школы можно. Сказать наконец правду.

Это мое предложение отрешиться от среднерусской полосы было принято. Во дворец мы входили друзьями.

День прошел замечательно. Дворец был отодвинут на задний план обратным ялтинским катером, ставшим мисхорским. Мой послепляжный (этот ее купальник!) волейбол на местной любительской площадке (мои Адидасы-кроссовки, виват Аркадию – прямиком из Англии!) померк в сумеречном блеске площадки танцевальной. И всё затмили в редких фонарях вырастающие до небес деревья, под которые мы вплыли парой наплававшихся за день, натанцевавшихся голубков: понимание того, что до Ялты во тьме не дойти даже по Царской тропе, вернуло поближе к дороге с ее нет-нет да и показывавшимся автобусом.

– Не думал, что существуют девушки, за которыми не угнаться в море. Такое ощущение, что и в танце ты плаваешь... Да и я... тоже... рядом с тобой... И вообще... тебе не кажется, что всё, что после пляжа – море... а суша – то, в чем мы плавали?..

– Двадцативосьмилетние.

– ?

– Двадцативосьмилетние девушки.

– Ну, слава богу. Всего каких-то пятнадцать лет. Разницы. Я думал больше.

– А я думала меньше.

– И теперь... когда точки над *i* расставлены...

Она отвернулась. С улыбкой.

Но чем дальше – тем меньше оставалось от этой улыбки... тем сумрачнее даже под фонарями делалась эта полуторачасовая (один автобус мы пропустили) прогулка... тем дальше разводило нас какой-то незримо встающей между нами волной (о моей руке на ее плече не было уже и речи). Так, что и я уже начал мысленно подгонять «очередной свой» автобус... Слава богу, в конце концов показавшийся. Но ситуации не спасший: она на весенних, а я на летних каникулах – от греха подальше мы перевелись из одной школы в другую.

6

Затеявший все это, упросивший за нас отца Петров сам опоздал безбожно, а тут еще и Михайлов, проехавший в своем трамвае нужную остановку, размахивая руками, целую вечность бежал к нам под задумавшимся снежком!..

– А нас не попрут?.. – скидывая в темной прихожей пальто, спросил я.

– Страхните на лестничной клетке, – вместо ответа остановил нас с Майклом, разоблачающихся, Тигренок Петрик... Патрик... на импортной куртке которого снег почему-то отсутствовал...

Мы так бы и проторчали в дверях позади всех, если бы в темноте не различили в последнем ряду на противоположном краю гостиной пару свободных стульев возле неплотно освоенного дивана. За этим последним рядом, слава богу, вжимаясь в стену, можно было протиснуться...

– Извините... – вдавленный в диванное пространство нацелившимися на стулья Майклом с Патриком, не отрываясь от экрана, на толщину (тонышину) своего зада как можно деликатнее потеснил я «диванных»: на экране на чистом английском ведущий шоу возвещал нечто для меня недоступное, завершенное коротким, с оттенком удивления («как это может быть?.. а вот так!...»):

– А?.. «Прокл Харум»!..

Под приглашающий жест ведущего и жиденькие аплодисменты из-за кулис гуськом вышли объявленные, кто с гитарами, кто в плащах (один – не просто в черном, чернее ночи, монашеском, а еще и с надвинутым на лоб капюшоном!)...

Уже за установкой ударник дважды прошелся дробью по барабанам... (по моей груди)... и под посвистывание усилителя, подстраиваемого гитаристом в светлом пиджаке, по спине моей растекся озноб...

Ударник, повернув голову, глянул на партнера, и одновременно с первым ударом зазвучал орган... под аккорды которого, наклоняясь на каждый такт, гитарист в светлом повел свою партию... Совершенно неожиданно вступивший голос принадлежал сидевшему за роялем – неровный, неуверенный, на верхах близкий к пределу-скрипу, голос скорее походил на голосовую заготовку, так же как и песня, – из того и другого когда-нибудь: то ли возникнет современный, сегодняшний вокал... то ли он же, современный, провалится в тартарары... вместе со всей современностью... На припеве камера наконец выхватила «черного» органиста – в профиль, с закрытым капюшоном лицом, играющего (вдруг показалось) бесконечно свое, не связанное с прочим... Покатившее после второго органного проигрыша это самое «бесконечно свое» наконец проняло: открылась соединенность несоединимого – органной арбы, катящей меж небом и землей... тарелок, баса, гитары, рояля, поющих за кадром о земном... и мелодичного, с высокой ветки, карканья, разносящегося в пространстве...

...Уже зажгли свет... уже отец Патрика с хозяином квартиры и видеокассеты хлопотали со своими видеками JVC, завершившими процесс перезаписи («Прокл Харум» шел на кассете в самом конце)... уже счастливики-зрители повставали со стульев, и Майкла с Патриком не было рядом... а я все еще был не здесь...

Очнувшись под обращенным на меня взглядом, просящим меня с дивана на выход, я с идиотской улыбкой поднял глаза... То, что я прочел на лице Лидо, ответом на мою улыбку можно было назвать весьма условно...

7

Фанданго... сублимация объятия... русалочья грусть в лице белее мела... – вот как Мельник проявляет в пустоте тех, кто ему нужен для того, чтобы сильнее или нежнее, или одно в другом – он один знает... Обхаживая пару, смотрит сквозь мел, изводя обоим этим, все ближе, сведением друг с другом вызывающих друг у друга тот единственный вид недоумения, что способен обернуться желанием внутреннего – этого, в глазах напротив – мира, когда делаешься не волен в себе, теряя все, в чем жил до сих пор.

Слишком реальная видимость танца, ранящая... в очередь ли, одновременно... но – не танцующих... и не горизонтально, а так же, как и свела в пару – с этой, изначально сквозь всё просвечивающей так, словно не для них, а для кого-то киношных, загадкой броска на дно сквозь обладание и смерть... Главное, что всё это дает им, отстраняет и вдохновляет – чувство, что всем этим живут сейчас не они...

Зачем?..

Ради третьего – наполовину ребенка, наполовину Мельника. Отсюда страсть-небытие, страсть-табу и все прочие истинные виды страсти – от этого «наполовину», в котором каждый наполовину-ты. Роман. Рана. Свет сошелся клином переворачиваемых страниц: одна непременно накроет другую... Один непременно сломает другого. Тем, что живет в реальном мире...

...Теперь осталось заполнить всем этим – заполнить им пустоту между зачином и финалом (одно дело – вслепую плыть по течению, бог весть существующему ли вообще, и другое – исполнившись водами океана, стать рекой):

Танцевальная невесомость (появляющееся в тексте: «на полу») с уходом плоскости – из-под ног («болезнь морская»), окружающих – из виду («кричат “еще”»), а подливающего («официант принес») – из сознания («потолок улетел»)...

От растущего безмолвия («Мельник кончил свой рассказ») – вот от чего лицо ее переждается («at first just ghostly / Turned a whiter shade of pale»): не сначала... не сначала «словно призрак»... – это момент затягивания партнера по танцу якобы в призрачный, на самом деле единственно истинный мир... в котором Мельник уже молчит – безмолвное предложение,

«озвученное» танцором: чем же еще оно может являться (и всегда является) как не предложением. Отменой речи... расклада... приличий... – заменой суммы условностей безусловностью...

She said «there is no reason» / And the truth is plain to see... Говорит (отвечает на предложение) в одно... Смотрит в другое... Не сходя туда, во что говорит (на берег) из-под пьющих ее взгляд его открыто-закрытых глаз...

She said, «I'm home on shore leave»... Услышав от не ускользающей, не весталки: «Я дома в отпуске на берегу», – так легко и естественно, «схватив за зеркало ее», изобличить обведшую Нептуна вокруг пальца ради всего, чем кончаются эти фанданго!.. But she smiled at me so sadly / That my anger straightway died. «Забываешь, мой друг, где и кто мы, оставляя меня там одну...»

Где?..

Там, где смех правит пищей любви, так никем и не названной «музыкой»... Где грязь не узнает, насколько грязна, потому что чиста чистота... Где перед тобой то, что сзади, а от головы – только рот... Вот постель океана.

8

«Ужас»: дрожь, зубы стучат...

«Horror»: беззвучный ор!..

Но почему чувство становится именно этим словом, ничего, по сути, не передающим?..

Horror – всё сразу!.. одним «а»: а-а-а!.. Ужас – змеиное «ж...» и «с...», заглатывающие «у...» и «а...».

А на деле?.. Тихо, без букв, несовместимое с тобой. Переход в него. Не исчезая. Что-то, что не просто можно выдержать, а что и есть то, для чего глаза. В чем содержание четырех этих: у... жэ... а... эс... – растворяется. Как растворяется, обесмысливаясь, любое слово в самом себе при повторном его проговаривании: становится смешным оно само, его несоответствие называемой вещи и наконец – сама вещь...

Осваивая переход – живешь. Начинаешь жить. Понимаешь, что же имелось в виду под этой вербальностью. Узнавая: действительно – «имелось» «в виду» при снисхождении в этот вид. А теперь, при восхождении из него, возвращается владельцу тем же самым имуществом, доступным языку словами с праиндоевропейскими корнями *gi- и *leip-. «Придерживаться»... невесомости... а не гравитации... жить... to live...

В отличие от второй сигнальной, в первой – одно означает другое. Вторая – закабаление. Опутывание сетью-невидимкой смысла, со смертью впереди, ничего кроме себя не означающей. «Смерти нет...» Вот этой, с обступающими могилу и сыплющейся сверху землей, вот именно ее – не существует. Так?.. «Да не-е-ет... имеется в виду: в духовном плане...» В духовном плане нет не смерти, а этой вот жизни...

Одно означает другое. И никакого ужаса.

В одном – ты во время прогулки под южными, сквозь кипарисы, звездами дотерливаешь до того, что из тебя полчаса льется под причитания хозяйки мисхорского жилья о твоём сумасшествии: что, нельзя в парке в туалет заскочить?! ты знаешь, чем это может кончиться?! – разрывом пузыря!

В другом – все это в принципе невозможно. Возможно само другое... без тени терпенья... стеснения... приличия... неприличия...

Я обвела взором комнату...

9

«Достаточно взглянуть, чтобы понять»...

Любимая фраза брата. Народный писатель. Народ.

Носящийся по школе народ. По звонку выскакивающий из-за парт! Толкая двери – в коридор!.. Достаточно взглянуть на летящих прямо на тебя, чтобы понять: бандит... работяга... красавица... замарашка... алкоголик... доктор наук... жена... брошенка... И все – мешане: повывскакивавшие из своих классов на свет, весь этот коридорно-оконный свет радостно пересекающие по пути из одной вечной тьмы в другую жители города, места. Кто и когда навел на это слово несмываемую тень: «мешане»?.. На каждом из этих летящих по коридору лиц – солнце...

Лучше это броуновское движение переждать в своем кабинете...

Ну, и что ты понимаешь, взглянув?.. Какое такое «всё»?.. «Тортилла». Смотрящая на тебя из зеркала. А на остальных – по выходу из этого самого кабинета с табличкой на двери «Завуч». Любое слово стирается повторением. «Тортилла»... «Тортилла»...

Любимая его фраза родилась в моем на него взгляде. А не наоборот. Это я смотрела на него так. Пока не стал Народным.

На кого еще я так смотрела?.. На того, кого сменил спущенный сверху «завхоз»...

Завхоз и Тортилла.

Директор и завуч.

Да, школа, прежде всего, – хозяйство. Не поспоришь. Но хозяин – «сморкач» – ?.. (В этом самом хозяйстве каждый чих разносится по всем закоулкам, а слухи собираются со всего света, включая малую родину сверху спущенного, помнящую детские прозвища... «Все мы хлопцы городские, только с разных деревень»)...

Вот и получили... «Я вам даю кусочек своего сэра, или куды его?!»... «В школе опасный преступник: кто-то зламал вунитаз!»... «Хлопцы, пастражыцесья. Пабрэйце зады»... «В университете не паступайце – там адни дураки вучацца. Я знаю, у меня там дачка»... «Траву они памяти. А хоть одно дерево они пасажили?!» (о продемонстрированном в актовом кинозале «Ромео и Джульетта»... с затемнением сцен, разумеется)... «От вас сегодня так приятно духами разит»... Ходят за ним, записывают (самое ужасное – что и ученики)...

Но завхоз от бога...

Взглянуть и все понять особенно наглядно довелось, когда эта парочка осчастливила своим появлением. Да, пришли к нам на разных каникулах, не одновременно... Примерно с тем интервалом, с каким покидают под ночь учреждение шифрующиеся сотрудник с сотрудницей... Ей эта роль дается легче... Он тоже держится... Что ж, с предметами у них проблем нет (вчера прислушалась из-за дверей – в актовом кинозале: «Я вчера огорчений и тревог не знал», что-то, кажется, из современного... в лингвокабинете: «We are not afraid of big bad wolf», классика...). И слава богу.

Слава?.. Ну, если «Тортиллы» в зеркале тебе мало... При чем тут Тортилла... «Взглянуть, и все понять» было?.. или не было?.. Еще раз: что ты видела?.. Подходящий к остановке автобус. Тыходишь в заднюю. Они – в переднюю... в среднюю... Они?.. Или все же отдельно Лидо, отдельно Харламов?.. Внутри же потом – сплошные спины и головы...

Когда школьный бассейн сдавали, еще не наполнили – комиссия приемная с вышки прокла, размашисто, ногою по пыли через все дно выведенное: «Вилейские волны»... Вспомнилось...

Не певший и не игравший на инструментах Кит Рид не просто входил, но и считался входившим в состав «Procol Harum» (считаться – больше, чем просто входить).

Из его интервью журналу «Uncut»: «Я все время писал. “A Whiter Shade of Pale” была лишь одним из кипы текстов. У меня была фраза “a whiter shade of pale”, с которой все началось, и я знал, что она станет песней. Это как пазл, когда у тебя есть один фрагмент, а затем ты складываешь все остальные, подбирая их один к одному... Я смотрел много французских

фильмов в Академии на Оксфорд-стрит. Сильное впечатление на меня произвели “Pierrot Le Fou” и “Last Year in Marienbad”. Вы можете провести параллели между поворотами сюжета и настроением этих французских фильмов и “A Whiter Shade of Pale”. Меня также привлекал сюрреализм – Магритт и Дали... Из музыкантов наибольшее влияние на меня оказал Дилан. Я смог понять, как он играл словами».

Текст «A Whiter Shade of Pale» Кит Рид также связывал с атмосферой «Сладкой жизни» Феллини: свободная аристократическая вечеринка с разносящими алкоголь официантами, с привлекающей внимание окружающих танцующей парой: «Я пытался создать настроение, а не просто рассказать прямолинейную историю о том, как девушка бросает парня. Потолок улетал куда-то, комната гудела все сильнее – мне хотелось нарисовать картину происходящего... Это, наверное, похоже на декадентскую сцену. Но тогда я был слишком молод, чтобы знать, что такое декаданс». Рид говорил, что текст этой песни был создан под влиянием книг, но отрицал, что был тогда знаком с «Кентерберийскими рассказами» Джефффри Чосера: «Я в жизни не читал “Рассказа Шкипера”. Может быть, я знал это подсознательно, но я точно не собирался цитировать Чосера, ни в коем случае».

Будь здесь ключевыми словами: «девушка бросает парня» и «ни в коем случае» – никто б из слушателей «A Whiter Shade of Pale» не лишился бы покоя от ее неоднозначности. На самом деле ключевым в приведенных словах Рида является единственное: «подсознательно» – в то, что обозначается этим словом, и погружался автор проявляемой им в 1967-м картины, впоследствии затягивающей в себя всех приближающихся к ней под музыку дивящегося своему авторству Баха: расступаясь, картина эта позволяет увидеть «Кентерберийского» пьяного бледного Мельника («The Miller that fordrunken was all pale»), вдруг возникающего, когда идущий по кругу черед повествования уже переходит к Шкиперу – почему лишь тогда? – потому что именно в этот момент «Whiter Shade» подходит к припеву с его разоблачением ситуации: «Мельник кончил свой рассказ – / И она – с лицом прозрачным, / Ставшим белым, словно мел». На изнанке «морской болезни» партнера по танцу и возникает Мельник с непрозвучавшей, но услышанной ею скабрёзностью (вместо уха – лицом): так вот оно что... фанданго – иллюстрация «Кентерберийских», игнорирующий все прочие рассказы переход от замолчавшего Мельника к повествованию Шкипера...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.